

2) предметный или вещественный код (26 %) – *Gulden* от *golden* ‘золотой’;

3) итропоморфный код (10 %) – *Achtbrudertaler* ‘серия талеров, выпускавшихся в Саксонии с портретами герцога Иоганна Эрнста и 7 его братьев’;

4) числовой код (10 %) – *Vierling* ‘легкая серебряная монета достоинством в 4 пфеннига’;

5) пространственный код (10 %) – *Joachimstaler* ‘крупная серебряная монета, чеканившаяся в первой половине XVI века в богемском городе Йоахимсталь’;

6) зооморфный код (5 %) – *Batzen* от древневерхненемецкого *batz* ‘медведь’, ‘монета в южной Германии’;

7) ономастический код (3 %) – *Mariatheresientaler, österreichischer Silbentaler* ‘денежная монета эпохи правления Марии Терезии в XVIII в.’;

8) флороморфный код (3 %) – *Aloetaler* от названия растения алоэ, завезенного в Германию.

Дальнейшее исследование репрезентации концепта «Geld» может быть ориентировано на рассмотрение словообразовательной и фразеологической деривации номинант.

ЛИТЕРАТУРА

1 *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 895 с.

2. *Карасик, В. И.* Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 37–64.

3. *Карасик, В. И.* О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.

Е. А. Гапанович (Минск, Беларусь)

СВОЕОБРАЗИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВОКУПНОЙ СЕМАНТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Результатом понимания человеком своего внутреннего и внешнего мира являются знания, организованные им в различные уровни абстракции и отвлеченности (в зависимости от того, как членится предметный мир, а также от того, как отдельные вещи и идеи сгруппированы во множества). С помощью разноплановых номинаций естественного языка возможна дифференциация обобщений.

Внутренняя форма языковых единиц множественной семантики может различаться численной емкостью или вместимостью, а также способом своего составления, например, включение во множество или исключение из него определенного объекта. Так, инклюзивное французское местоимение *on* называет ‘меня/нас, включая тебя/вас’. Следует отметить, что «выработке единой категории отвлеченного множества предшествуют более конкретные множества» [1, с. 65]. Интерес со стороны исследователей-лингвистов к именам собирательным как к именам с особым значением был проявлен при изучении категории множества. Смысловое расхождение отдельной множественности и собирательности стало осознаваться грамматистами уже с момента самого возникновения этой категории в индоевропейских языках.

В условиях дифференциации множественного смысла в древних индоевропейских языках наличие дуалиса – формы двойственного числа – объяснялось потребностью указать на нечто иное, чем на отдельную множественность, обозначаемую множественным числом имени. Произошедшая в дальнейшем во многих европейских языках замена дуалиса на форму множественного числа среднего рода ознаменовала собой переход к дофлексивному состоянию собирательности.

Для языкового выражения совокупности живых существ, а именно класса человека, прототипическим признается личное имя существительное, называющего первого человека на Земле – Адама. В сравнении с другими живыми существами, для которых в видовых и родовых группах количество членов всегда больше одного, исключительный численный характер класса «человек», состоящий из одного единственного экземпляра, объясняется тем, что именно он сам является автором биосоциальной систематики и не знает себе подобных.

По степени сложности и способу составления собирательность живых существ не предшествует отдельной множественности, находящейся на более низком уровне иерархии, а наоборот, формируется на ее основе.

Флексивная система русского языка позволяет обозначать отдельную множественность и собирательность, в то время как категория собирательности во французском языке относится к функционально-семантическим, не обладая специальными формами выражения, за исключением небольшого числа аффиксов.

В отличие от предметов, объединенных в группы из однородных элементов, но не участвующих в активном взаимодействии (листва, дрова), собрание живых существ является классом разнородных субъектов действия. Вместе с тем французские названия последних, обозначая целостную совокупность самостоятельных субъектов, сохраняют возможность представлять их как пассивный класс. Например, фр. *professorat* ‘1. должность как состояние (*état*); 2. преподавательская работа как активность (*fonction*)’.

Особенности объективации данным языком активности совокупного референта, с одной стороны, обусловлены внутренней сущностью последнего, с другой – структурой более сложного объекта – окружающего мира,

среды субъекта познания, в состав которых данная совокупность входит на правах одного из элементов. При этом совокупная семантика имени объекта (и человека в том числе) находится под влиянием среды или окружения и зависит от активности субъекта, его познающего. Поскольку среда – есть не что иное, как совокупность живых организмов, объектов в тесной взаимосвязи с условиями, воздействующими на сами живые существа и человеческую активность. Сравним дефиницию лексемы *environnement* «l'ensemble des conditions naturelles (physiques, chimiques, biologiques) et culturelles (sociologiques) susceptibles d'agir sur les organismes vivants et les activités humaines».

К. С. Аксаков, объясняя переход множественности в единичность через значение собирательности, несколько преувеличивал, считая, что стремление русского человека понять множество как совокупность есть замечательное стремление, чисто свойственное русскому языку, стремление к образности [2, с. 115]. Рассмотрение аналогичного материала французского языка показало, что названия коллективов животных в большей степени образны, например, фр. *un parlement de hiboux* ‘группа пингвинов’, букв. ‘парламент пингвинов’. Кроме того, во внутренней форме групповых наименований стадных или стайных животных учитывается зрительный образ отдельно взятого объекта: *un troupeau d'autruches* букв. ‘стадо страусов’. Становясь объектом активного познания (в том числе и наблюдения), группа птиц, летящих в момент речи, именуется как *vol* букв. ‘размах крыльев’, в то время как наблюдение за группой пернатых, разлетающихся в сторону, выражается с помощью номинации *une volée de moineaux*.

Сравнительный анализ выразительных возможностей русского имени существительного *корпус* и его французского эквивалента *corps* позволяет увидеть, что в результате развития внутренняя форма первого слова, изначально называющего туловище человека или животного как часть, переосмысливается в пользу значения ‘совокупность множества каких-л. однородных предметов, образующих целое; массив’. При этом актуализируется признак пассивной однородности, т.е. объект зачисляется в совокупность по принципу семейного сходства. В то время как для французского *corps* видоизменение конкретной семантики *corps* «l'organisme humain» ‘человеческий организм’ заканчивается добавлением сложного признака упорядоченной совокупности (*ensemble organisé*).

В условиях активного познания человеком предметного мира номинативные средства французского языка способны зафиксировать особенности составления среды как сложного множества. Так, обобщающее название Средиземного моря, производное от выражения *sреди земель*, т.е. среди Италии, Испании, Африки, Турции, Греции, появилось в начале VII в. и на все языки передается путем смыслового перевода: англ. *Mediterranean Sea*, итал. *Mare Mediterraneo*, нем. *Mittelländisches Meer*. До указанного исторического момента древние греки, которые, хотя и селились по всему его побережью, не представляли его единым, и поэтому использовали разроз-

ненные названия его отдельных частей: Эгейское море, Критское море, море Ио, Египетское море, Ливийское море. Римляне же, завоевав все побережье этого моря, подчеркивая значимость своих побед, присваивают ему имя *Mare Nostrum* 'Наше море' или *Mare Internum* 'Внутреннее море'. Другими словами, несмотря на огромное пространство завоеванных территорий, они мысленно размещают его внутри своей среды, и, таким образом, воспринимают его как целостную совокупность, что и обуславливает необходимость дать обобщающее название. Современное и уже окончательное название сохраняет категориальный семантический признак целостности. Дальнейшее изменение его внешней формы (*la Méditerranée* 'Внутреннее, Средиземное море') продиктовано экстралингвистическими факторами: море не принадлежит уже только римлянам, а объединяет многочисленные народы, населяющие страны вдоль побережья после распада Римской империи, в одну территорию – Средиземноморье. Таким образом, в самой среде, сбалансированной с речемыслительными процессами познания и номинации, происходит нейтрализация структурных признаков частей и устанавливается референция к объектам большего масштаба.

Своеобразие семантики совокупности определяется активностью или самих группируемых предметов, или субъекта познания. Выявленная лингвогносеологическая сущность французских имен совокупностей обусловлена значимостью активной позиции субъекта познания для французской лингвокультуры. С возрастанием уровня обобщения перевод чувственного образа в собственно мыслительный сопровождается развитием внутренней формы обобщающих номинаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тронский, И. М. Общее индоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / И. М. Тронский. – Л. : Наука, 1967. – 104 с.
2. Аксаков, К. С. Опыт русской грамматики / К. С. Аксаков. – М. : Тип. Л. Степановой, 1860. – Ч. 1. Вып. 1. – 195 с.

Н. В. Дардыкова (Минск, Беларусь)

ФАЗОВАЯ СЕМАНТИКА В ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМАХ АНГЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

В работе на основе сопоставления фазовых глагольных конструкций в английском и турецком языках анализируется взаимосвязь между аспектуальной семантикой глаголов в одном языке и способами ее передачи на другой язык.

Мы исходим из того, что фрагменты языковой картины мира отражаются в сочетаемости и семантической структуре глагольных единиц, а их